

СТЕРЖЕНЬ ЖИЗНИ

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ВОР.

Ты не знаешь, что такое базар. Сейчас весь этот бедный люд, эти частники, торгующие всем и вся, несущие из дому, что вырастили сами, или от хозяина, не всегда нужным и востребованным товаром, радуются, что мы еще покупаем. Тогда продавали не это, сынок, а то дерьмо, что можно было просто сожрать. Булка хлеба стоила миллион, а то и полмиллиона, кусок нормального мяса - десяток лимонов. Пирожок с мясом,

плотным, высоким мужиком в новом пальто. От него приятно пахло хорошим одеколоном и дорогим табаком. Он был спокоен и не суетился, в отличие всей очереди. Я ждал. Оставалось человека три до кассы. И тут случилось неожиданное. В очереди кто-то возмутился, толкнул одного, другого, и, как в карточном ряду, все дернулись. В том числе и я! Мужик почувствовал мою руку в кармане! Я был обречен! Дальше было все просто. Меня вытащили за шкуру на улицу. На высокое крыльцо. И бросили на асфальт со всего маху!

Помню больницу. Острую боль в плече. Чего-то крутили,

даст Бог, тысяч триста, а то и больше! Жрать хотелось всем! Никто не брезговал ничем. Верись, брат, очистки на помойке стоили жизни! Я видел, когда за кусок убивали! Ели все! Ходили слухи, что торгаши заманивали, ловили маленьких полненьких детей, убивали, солили в бочках и продавали на пирожки. В областном городе, якобы, поймали одного. Нашли в подвале бочки с соленым мясом! А мужику на базаре попался пирожок с детским пальчиком!

В тот год я попал в банду. Нормальная банда была. Никого не убивали, не обижали, отнимали лишнее. Я в то время думал, так правильно. Богатых, фраеров - щипали. Он, сволочь, жрал и пил от пуза. Ходил в магазины, которые нам и не снились. Мог придти в магазин и купить колбасу, хлеб и еще много чего. Поверь, у него лопатник весил миллионы! А у меня, дурака, ни семьи, ни отца, ни мамки, и самое страшное - Файку забрали. Короче, ни флага, ни Родины. Как собака безродная, которую убить можно. Безысходность была полная! Ох, и не любил я их!

Была слякоть. Моросил мелкий дождик. Я пристроился за

то ли вправляли, то ли помали, не знаю. Первый снег я увидел со второго этажа в начале зимы. Голова перестала болеть первой. Руку тянуло и рвало. Что запомнилось: старый следователь с папкой с тесемками, несколько дней брюзжащий, да кисленький больничный компот. Через месяц с небольшим опередили в детдом.

Через две недели я бежал. Друзей нашел сразу. Они меня ждали. И понеслось. Сам на «работу не ходил». Чаще всего был на стрёме. Грабили всех безжалостно, особенно красиво одетых и богатых. Иногда били. Спасало, не знаю, что, наверное, везение. Последний раз поймали за мелочь. Понравилась кепка у мужика. Я взял! Разбирались недолго. Мои объяснения не в счет! Поторчал в приемнике, и привезли в детдом.

Пришел 1939-тый. Мне исполнилось шестнадцать! Весной - распределение. Нас, четверых, отправили в совхоз. Привезли, представили директору совхоза. Он нашу дальнейшую судьбу и решил. А ладанка мамкина со мной была.

Продолжение следует...

Владимир ПОЛЯКОВ